

Олег: Проблематика восточнославянского антропонима

Author(s): George Y. Shevelov

Source: *Russian Linguistics*, 1985, Vol. 9, No. 2/3 (1985), pp. 351–360

Published by: Springer

Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/40160109>

JSTOR is a not-for-profit service that helps scholars, researchers, and students discover, use, and build upon a wide range of content in a trusted digital archive. We use information technology and tools to increase productivity and facilitate new forms of scholarship. For more information about JSTOR, please contact support@jstor.org.

Your use of the JSTOR archive indicates your acceptance of the Terms & Conditions of Use, available at <https://about.jstor.org/terms>

Springer is collaborating with JSTOR to digitize, preserve and extend access to *Russian Linguistics*

JSTOR

GEORGE Y. SHEVELOV

ОЛЕГ

Проблематика восточнославянского антропонима

А. А. Зализняку к пятидесятилетию

В русском этимологическом словаре А. Преображенского (1910–1914) имя *Олег* не обсуждается. В русском этимологическом словаре М. Фасмера (Vasmer 1955, 263) этому имени посвящена очень краткая статья: “Олѣг PName, aruss. *Oľgvъ* (Nestor-Chron.), Aus anord. *Helgi* dass. zu nhd. *heilig*, s. Thomsen Ursprung 74, 146 ff”. В русском переводе словаря М. Фасмера (1971, 133), содержащем многочисленные дополнения О. Н. Трубачева, дан простой перевод этой статьи, без всяких добавлений. Можно подумать, что все ясно в истории этого имени. Однако это далеко не так. В языке Древней Руси не выяснены важные детали фонетического развития нашего антропонима, в современном русском языке с ним связаны собственно антропонимические проблемы.

В то время, с которым связывается княжение Олега в Киеве, а тем самым, вероятно, и распространение варяжского имени, восточнославянским диалектам были чужды сочетания велярных с гласным переднего ряда. Скандинавское *-i* должно было дать *-ь*, а перед ним *g* должно было бы перейти или в *ж* по правилу первой палатализации или в *з* по правилу второй: **Олежь* или **Олезь*. (Условно сохраняю здесь во втором слове *e*, как в современном русском. С этим гласным, однако, тоже связаны серьезные проблемы, которыми займемся ниже). Надо, однако, иметь в виду, что в конце IX века ни первая, ни вторая палатализация не были уже живыми процессами. Продуктивность первой палатализации предположительно приходится на V–VI вв., а второй – на VI–VII вв. (ср. Shevelov 1964, 303). Таким образом, недопустимая группа *z + ь* была устранена не палатализацией велярного, а субституцией *ь* вместо *ь*. Выбор между двумя возможными подстановками – *ж* или *з* вместо *z* или же *ь* вместо *ь* – в пользу второй был особенно логичен в Новгороде, если примем весьма вероятный взгляд, что в области Новгорода вторая палатализация вообще не имела места, как думал З. Штибер (ср. Stieber 1974, 111), опираясь главным образом на данные С. М. Глускиной, а вслед за ним автор этих строк (ср. Shevelov 1971, 311), и как подтверждается анализом языка новгородских грамот на бересте, проведенным А. А. Зализняком (ср. Зализняк 1982; 1984). В таком случае новгородская форма, оканчиваю-

шаяся на *-гъ*, была уже в готовом виде принесена в Киев. Это вполне соответствовало бы тому, что мы знаем о биографии Олега, а именно, что он княжил сначала в Новгороде (879–882), а уже позднее в Киеве (882–912).

Вторая фонетическая проблема связана с гласным начального слога. Никакие восточнославянские диалекты IX–X вв. не имели звука *h*. Общеизвестно, что в анлауте его заменял *j*. Дальнейшее развитие, можно принять, вело к переходу *e* в *o* и к последующей потере начального *j* (ср. Shevelov 1979, 168). Хронология появления такого *o-*, можно думать, – конец IX в., т.е. именно то время, когда на восточнославянской территории распространилось имя *Олег*. Казалось бы, что все это просто и соответствует ожидаемому (ср. Shevelov 1979, 167). Но это не совсем так.

Дело в том, что если варяжское *Helgi*, теперь в форме **Jelgъ*, попало в восточнославянскую речь, в нем должна была быть устранена группа согласных *lg*. До недавнего времени, точнее до середины IX в., она устранялась в начале слова перестановкой сонорного и гласного (тип *робота* в соответствии немецкому *Arbeit*), а в середине слова развитием полногласия (тип *болото* в соответствии литовскому *baltas*). Это означает, что форма **Jelgъ* должна была бы развиваться в форму типа **jologъ*, а после отпадения **j-* в **Ologъ*. Если же предположить, что *je-* не было непосредственно заменено *jo-*, а была промежуточная стадия типа *e-*, т.е. **elgъ*, то форма **elgъ* метатезировалась бы в **legъ*. От такого развития, однако, нет ни малейшего следа, и это естественно, потому что в конце IX в. метатезис сонорного и полногласие уже не развивались. И это обстоятельство подтверждает принятую хронологию угасания этих процессов – до середины IX в. Но группа *lg* все-таки была недопустима, и теперь она устранялась вставкой одного из ‘еров’ – *ъ* или *ь*.

И действительно, в памятниках древней Руси мы находим многочисленные примеры написаний нашего антропонима с *ь* после *l*. Если ограничиться Лаврентьевской летописью с ее суздальским продолжением, как она издана в ПСРЛ, то найдем там многочисленные написания с *ь* в косвенных падежах, в формах отчества и в притяжательных именах прилагательных, например (первая цифра указывает на год записи, вторая на столбец издания): *Шльгови* – 885, 24; *Ольгова* – 911, 39; *Шльгом* – 968, 65; *Шльга* – 970, 69; *на Шльга* – 975, 74 и многие другие. В Лаврентьевской летописи *ь* никогда не пишется в форме именительного падежа, где находим или *Шлегъ* или *Шлег* (напр., 882, 22; 883, 24; 1078, 201 и др.), но это легко объясняется тем, что наш список датируется 1377 г., когда *ь* уже обычно не использовался в

функции гласного звука.

Принятие появления вставного *ь* в слове *Ольгъ*: *Ольга* порождает новую трудность. Обычно принимается – на основании таких форм, как *ель, есть, еж* и т.д. –, что если в следующем слоге гласным был *ь*, начальный *j-* сохранялся, и, соответственно, эти слова не начинаются на *o-* в современных восточнославянских языках. Почему же тогда это начальное *o-* находим в имени *Олег*?

При исследовании языка Лаврентьевской летописи бросается в глаза, что в более ранних записях резко преобладают формы без *ь*: *при Олзѣ* (12), *Шлгова* (18), *Шлгови* (22), *шт Шлга* (882, 23), *Шлгови* (907, 29) и многие другие. Первую форму с *ь* находим под 975 г. (74), и такие написания господствуют в записях 977 г., но в записях 1078–1103 гг. снова решительно преобладают написания без *ь*, в дальнейшем уступая первенство написаниям с *ь*. Однако этим различиям едва ли следует придавать фонетическое значение. Как известно, в течение многих столетий буква *ь* не была ‘мягким знаком’, и графические варианты были результатом произвольного выбора определенного типа написаний данным писцом. Не подлежит сомнению, что до падения ‘еров’, когда буква *ь* действительно обозначала гласный звук, этот звук присутствовал в нашем антропониме, иначе мы не имели бы гласного *e* в сильной позиции, т.е. в форме именительного падежа *Олег*.

Объяснения необычного развития в слове *Олег* надо скорее искать в сравнительно позднем проникновении этого слова в разговорный язык. Принимаем следующие стадии фонетического развития нашего антропонима:

(1) *Helgi* > (2) **Jelgъ* > (3) **Jolgъ* > (4) **Olgъ* > (5) *Olgъ*. Иначе говоря: изменения в начальном слоге произошли раньше, чем вставка *ь* после *e*. Поэтому переход **je-* в *o-* произошел еще до появления *ь*, а следовательно *ь* не мог препятствовать этому переходу. Хронологически развитие полногласия/метатезиса предшествовало изменению начального *je-* в *o-*; в данном же слове порядок был обратный. Причина этому заключалась в том, что изменение *je-* > **jo-* > *o-* было тогда активным процессом, действовавшим относительно автоматически, в то время как устранение рядов ‘сонорный плюс согласный’ уже не было живым процессом, а только с запозданием устраняло непривычные группы согласных. Таким образом, особое фонетическое развитие в имени *Олег* самой своей необычностью подтверждает правильность установленной – обратной – хронологии (подробнее о хронологии ср. Shevelov 1964, 414–417 и 425–427).

Сравнительно позднее усвоение разговорным языком иноземного

имени *Олег* находит свое косвенное подтверждение в социологии этого имени в древней Руси. Здесь мы покидаем область фонетики – к которой еще возвратимся – и вступаем в сферу связи имен с общественной жизнью.

В древней Руси имя *Олег* не стало народным. Как позволяют судить все источники, оно не распространилось даже в высших классах, оставаясь чисто княжеским, династическим. Лаврентьевская летопись упоминает девять Олегов, все они князья. Более того, уже в пределах династии оно укрепилось только среди Ольговичей, т.е. в пределах бывшей Северной земли, у князей черниговских, северских, курских и рязанских. Исключение, кроме, естественно, первого носителя имени, Олега, сначала новгородского князя, а потом киевского, было только одно – древлянский князь Олег Святославич. Новгородская летопись с ее шестью Олегами не выходит за пределы этого списка. Н. Тупиков (1903, 288), дающий сводку из разных источников, доводит количество Олегов до 13 или 14, но и он не выходит за пределы династичности и за границы территориального распространения. Т. Скулина (Skulina 1973–74, 203 сл.) укладывается в рамки списка, данного у Н. Тупикова (Т. Скулине же принадлежит характеристика имени как династического; ср. Skulina 1973–74, 108). Церковью имя не было принято. (Остроумно предложение Членова (1970) видеть в первой части имени Святослава кальку имени *Олег*).

Не удивительно, что с прекращением династической традиции отмерло и имя. После смерти последнего князя Олега – рязанского – в 1402 г. больше Олегов мы не находим, ни в России, ни на Украине. До последних лет XIX в. это мертвое имя. Нет его в указателях имен, например, в “Ономастиконе” С. Б. Веселовского (1974) для России, в списке Р. Вейшеделя (Weischedel 1974) для Украины и др. Если бы имя было хоть сколько-нибудь распространено, оно отразилось бы в фамилиях, чего тоже нет, за чрезвычайно редкими и не вполне ясными исключениями (*Олгов* у Н. Тупикова (1903, 678) – от *Олега* или нерегулярное образование от *Ольга*, женское имя, как *Ольгин* у Б. О. Унбегауна (Unbegaun 1972, 107)? В украинском материале Ю. К. Редько (1968, 169) не находим даже таких сомнительных образований).

Но если бы даже не было таких прямых свидетельств, об угасании имени *Олег* выразительно говорят чисто языковые данные. Отсутствие перехода *e* в *o* во втором слоге свидетельствует о том, что слово не находилось в живом обращении после XV в. – иначе оно произносилось бы ⁺[Al'ók] и писалось бы *Олѣг* (ср. Shevelov 1964, 427). Для слова скандинавского происхождения естественным было бы начальное ударение, и, вероятно, так оно и произносилось в древней Руси. Постоян-

ное ударение на втором слоге, безусловно, вторично. О нем еще будет речь дальше.

Распространение имени *Олег*, точнее – его воскресение, не могло не обратить на себя внимание лингвистов. Есть немало статей, обрабатывающих статистические данные об употреблении нашего антропонима в разных местностях, целостная сводка, однако, пока отсутствует. Вот некоторые выводы из этих данных, к сожалению трудно сопоставимых, так как одни исследователи дают данные по новорожденным, другие – по всем живущим, одни в процентах или на тысячу, другие – из абсолютного числа жителей. Можно только установить некоторые общие тенденции. До 1880 г. имя *Олег* большей частью отсутствовало, на Дону даже до 1890 г. Затем, хотя и с отдельными спадами, употребление имени в городах растет, для 1960-х/1970-х гг. колеблясь между 2,7% (Ленинград) и 6–7% (например, Свердловск, малые города Ульяновской области). По-видимому, начиная с шестидесятых годов имя стало популярным и среди рабочих: в рабочем районе Горького Олега достигли 7,6%. В сельских районах имя *Олег* стало распространяться с большим опозданием. По данным В. А. Никонова (1974, 73) в разных городах Южной России и среднего Поволжья в 1961 г. среди новорожденных было от 2,2% до 5,6% Олегов, а в сельских районах соответствующих областей от 0,3% до 1,5%. Тем не менее и на селе появились мальчики с именем *Олег*. Как кажется, на основе этих разрозненных данных можно предположить, что имя *Олег* было воскрешено в высших классах и/или среди интеллигенции, через несколько десятилетий распространилось и на низшие классы городов, а сравнительно недавно проникло в деревню (в этом абзаце были использованы данные из следующих работ: Бирило 1970, 59 сл.; Бондалетов 1970, 100; Коржанов 1970, 125; Короткова 1970, 111 сл.; Никонов 1974, 73; Окорокова 1970, 108; Сулова 1970, 128; Сулова, Суперанская 1978, 84; Сырова 1970, 118; Шайкевич 1970, 86; Щетинин 1972, 208).

Нередко антропонимисты отмечают, что начало моды на имя *Олег* приходится на конец XIX в. – начало XX в., но они не указывают причин этого явления. В качестве примера можно сослаться на В. Н. Тагунову (1966, 149: “В начале нашего века наблюдается ‘мода’ на древнерусские имена”) или на А. В. Суперанскую (1964, 19: “Интеллигенция 80–90-х годов XIX в. способствовала возрождению некоторых древних имен, бывших где-то ‘под спудом’... Это в основном княжеские имена: Олег, Ярослав, Святослав, Игорь...”), которые не раскрывают причин указанной ими моды. Причины эти, конечно, идеологического характера. По всей вероятности, здесь проявилась

имперская идеология, идеализация прошлого России, в частности в случае Олега – его политики завоевания разных племен и экспансии к южным морям (Олегов щит на воротах Царьграда). Типично в этом отношении поведение А. А. Реформатского (1953, 41): говоря об именах типа *Нинель*, *Ленина*, он упоминает тенденцию к “идеологическим именам”, но, говоря об именах типа *Олег* или *Игорь*, он воздерживается от обобщений, ссылаясь только на то, что “пошла мода на ‘древнерусские имена’”. Между тем оба типа имен одинаково принадлежат к идеологическим.

Имя *Олег* распространялось несмотря на то, что церковь относилась к нему отрицательно. Еще в 1900 г. это имя не было включено в список принятых (ср. Булгаков 1900, 661). В конце концов князь Олег даже не был христианин. Позднее, однако, имя было допущено (ср. Ірклієвський 1968, 118).

Но возрождение имени *Олег* для лингвиста имеет интерес не только социально-идеологический, но и чисто лингвистический. Этот интерес вызывается ударением слова. Почему *Олѐг*, а не *О́лег*, как было бы естественно для имени германского происхождения, да к тому же со вторичным гласным во втором слоге?

Приписывание ударения происходит в каждом слове, заново вводимом в язык. В неологизмах, произведенных новым сочетанием морфем данного языка, его место определяется морфологическими законами данного языка; ср., например, *красногáлстучный* или *мехо-вѹшка*. Вариантность здесь возникает только в сравнительно редких случаях столкновения двух акцентных парадигм. Сложнее положение иностранных заимствований. Здесь не всегда легко установить, восходит ли результирующее ударение к языку-источнику или приписывается по законам заимствующего языка. Так, например, *Шекспі́р* несет ударение на втором слоге, потому что слово было заимствовано из французского или же потому, что в русском языке оно было подведено под категорию словосложений типа *ландскне́хт*, *колонти́тул* (ср. Shevelov 1971, 214, 219), имеющих постоянное ударение на втором компоненте?

Возможности такого двойственного объяснения нет в слове *Олѐг*. Когда оно было вновь введено в язык, в акцентном отношении оно представляло собой настоящую *tabula rasa*, и решающими в приписывании места ударения могли быть только внутриязыковые факторы. Они могли быть двух типов: или слово включалось в группу одинаково оканчивающихся слов, или оно просто шло за статистическим большинством имен существительных русского языка. Первый фактор едва ли мог быть определяющим. Просмотр материала обратного

словаря русского языка, составленного под руководством М. С. Шевеловой (Шевелова 1974, 119), показывает, что большинство слов, оканчивающихся на *-ег* – имена существительные с корнем *бег*, типа *пробег*, влияние которых исключается их морфологической структурой ‘префикс плюс корень’, чего не находим в имени *Олег*. Исключаются также полногласные формы *берег* с производными, исключаются также сложные слова типа *ночлэг*. Остающаяся группа слишком мала (семь слов), чтобы быть влиятельной. Большинство из них действительно имеет ударение на втором слоге – *омэ́г, печене́г, туяре́г, стра-тэ́г, ковче́г* –, но есть и начальное ударение *та́львег*, и есть колеблющееся *ше́лэг*.

Обратимся к материалам и выводам о типах ударения в именах существительных современного русского языка, как их представил А. А. Зализняк (1967). Согласно данным этого автора (ср. 1967, 157) слова типа *Оле́г* в его современном акцентном отнесении принадлежат к типу слов с ударной основой, причем ударение падает на последний слог основы. Слова с неподвижным ударением в современном русском литературном языке составляют 90%, причем, однако, это относится не только к именам существительным, но ко всем именам. Количество слов типа *ме́сяц* установлено как 15, в то время как количество слов типа *заво́д* (т.е., того типа, что и *Олег*) во много раз выше – 3920 (ср. Зализняк 1967, 307 сл.). К сожалению, в решающей таблице на странице 172 для слов типа *заво́д*, в которых мы непосредственно заинтересованы, количество слов дается только суммарно: 11400 для слов типа *заво́д*, но также типов *сно́р, спосо́б* и *харáктер*. Во всяком случае из материала А. А. Зализняка ясно, что акцентный тип *заво́д* представляет собой – среди двухсложных имен существительных, не осложненных наличием суффикса – абсолютное большинство. На основании случая *Оле́г* можно выдвинуть предположение, что этот тип не только преобладает, но и является самым (или единственно?) продуктивным. Если словам (именам существительным) с еще не установленным ударением приписывается начальное ударение, для этого должны быть особые причины в каждом отдельном случае. ‘Нормальным’ двухсложным именам существительным мужского рода приписывается неподвижное конечное ударение, которое, естественно, в косвенных падежах является пенультимым. Утверждение это нуждается в проверке на более обширном материале.

В заключение бросим беглый взгляд на ‘поведение’ слова *Олег* в некоторых других славянских и даже неславянских языках. Как показывают мои наблюдения, в украинском языке Галиции, в частности Львова, до 1944 г. имени *Олег*, впервые вводимому в живое употребле-

ние, было приписано начальное ударение *Óлег*. Это, однако, не было связано со скандинавским происхождением слова, как показывает переход ударения на следующий слог в косвенных падежах: *Олѐга*. В региональном варианте украинского литературного языка для нововодимых существительных мужского рода господствовала в то время акцентная парадигма типа *á--:--á--*, например, *тра́мвай:трамва́ю* – свидетельство глубины польского влияния. В современных украинском и белорусском языках имя *Олег* (белорусск. *Алег*) в своем ударении совпадает с русским (откуда употребление имени и было заимствовано), но это соответствует установившимся тенденциям этих языков, чего нельзя сказать о ‘старольвовском’ типе ударения в этом слове (ср. Погрібний 1964, 361; Бірыла 1982, 19). В полном соответствии с происхождением и с историей этого имени его не находим за пределами восточнославянских языков, например, в польском, чешском, сербохорватском (ср. Грковић 1977, 151).¹ Но в болгарском оно начало шириться под русским влиянием (ср. Илчев 1969, 367). Благодаря тому же самому влиянию наш антропоним проник и в некоторые неславянские языки, например, в латышский (ср. Семенова 1970, 130, 132).

Так династическое имя варяжского завоевателя ожидало XX столетия, чтобы демократизироваться, стать массовым и начать триумфальный поход за пределы русского языка. Так антропонимическая мода высших классов старой Российской империи была подхвачена формирующимися послереволюционными высшими классами и, как обычно, дождалась имитации в классах низших.

Последний вопрос в этом кратком очерке судеб антропонима *Олег* в русском языке относится к времени установления в этом имени неподвижного наосновного конечного (в именительном падеже) ударения. Это произошло не недавно, вероятно в XVIII в., если не раньше. Известно, что с таким ударением оно выступает уже у Пушкина: “Как ныне собирается вещей Олег” (1822 г.). Имеющие доступ к картотекам словаря XVIII в. смогут дать дополнительный материал.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ *Примечание редактора.* Моя сотрудница по русско-словацкому словарю в Братиславе пожелала когда-то в начале 1950-х годов назвать своего новорожденного младенца Олег. Но нотариус в отделе метрических записей заглянул в список принятых имен, Олега не нашел и, не спросив ошеломленных родителей, решил – взять ближайшее по алфавиту имя Оливер. Итак, вместо Олега М. до сих пор ходит по миру Оливер М. – *L.Đ.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бирило, Н. В.: 1970, 'Современные мужские имена в Белоруссии', Никонов, В. А. и Суперанская, А. В. (ред.): *Антропонимика*, Москва.
- Бірыла, М. В.: 1982, *Беларуская антрапанімія*, 3, Мінск.
- Бондалетов, В. Д.: 1970, 'Динамика личных имен в XX в.', в книге Никонов 1970, 91–105.
- Булгаков, С.: 1900, *Настольная книга для священно-церковнослужителей*, Харьков.
- Веселовский, С. Б.: 1974, *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*, Москва.
- Weischedel, R.: 1974, *Eine Untersuchung ukrainischer Personennamen des XVII. Jahrhunderts*, München.
- Грковић, М.: 1977, *Речник личних имена код срба*, Београд.
- Зализняк, А. А.: 1967, *Русское именное словоизменение*, Москва.
- Зализняк, А. А.: 1982, 'К исторической фонетике древненовгородского диалекта', *Балто-славянские исследования 1981*, Москва, 61–80.
- Зализняк, А. А.: 1984, 'Наблюдения над берестяными грамотами', *История русского языка в древнейший период*. Под редакцией К.В. Горшковой, Москва, 36–153.
- Илчев, С.: 1969, *Речник на личните и фамилни имена у българите*, София.
- Іркліевський, В.: 1968, *Наші ймення, їх походження та значення*, Мюнхен.
- Коржанов, И. И.: 1970, 'Движение имен в 1960–1967 гг. по городам Мелекесс, Барыш, Инза Ульяновской области', в книге Никонов 1970, 123–127.
- Короткова, Т. А.: 1970, 'Динамика личных имен свердловчан', в книге Никонов 1970, 110–115.
- Никонов, В. А. (ред.): 1970, *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем*, Москва.
- Никонов, В. А.: 1974, *Имя и общество*, Москва.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*: 1950, Москва–Ленинград.
- Окорокова, Т. И.: 1970, 'Динамика личных имен в Автозаводском районе г. Горького (1932–1967 гг.)', в книге Никонов 1970, 106–110.
- Погрібний, М. І.: 1964, *Словник наголосів української літературної мови*, Київ.
- Преображенский, А.: 1910–1914, *Этимологический словарь русского языка*, т. I–II, Москва.
- ПСРЛ: 1962, *Полное собрание русских летописей*, т. I. *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку*, Москва.
- Редько, Ю. К.: 1968, *Довідник українських прізвищ*, Київ.
- Реформатский, А. А.: 1953, *Введение в языкознание*, Москва.
- Семенова, М. Ф.: 1970, 'Современные личные имена в Риге', в книге Никонов 1970, 129–134.
- Skulina, T.: 1973–1974, *Staroruskie imiennictwo osobowe*, I, II, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.
- Stieber, Z.: 1974, *Świat językowy Stowian*, Warszawa.
- Суперанская, А. В.: 1964, *Как вас зовут? Где вы живете?*, Москва.
- Суслова, А.: 1970, 'Некоторые данные о составе и распространении имен в Ленинграде', в книге Никонов 1970, 127–129.
- Суслова, А. и Суперанская, А. В.: 1978, *О русских именах*, Ленинград.
- Сырова, В. Г.: 1970, 'Некоторые наблюдения над личными именами в Волгограде', в книге Никонов 1970, 117–120.
- Shevelov, G. Y.: 1964, *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic*, Heidelberg.
- Shevelov, G. Y.: 1971, *Teasers and Appeasers. Essays and Studies on Themes of Slavic Philology*, München.
- Shevelov, G. Y.: 1979, *A Historical Phonology of the Ukrainian Language*, Heidelberg.
- Тагунова, В. И.: 1966, 'Из жизни личных собственных имен (На материалах Муромской обл.)', in Цілуйко, К. (ред.): *Ономастика*, Київ, 146–152.
- Тупиков, Н.: 1903, *Словарь древнерусских личных собственных имен*, С.-Петербург.
- Unbegaun, V. O.: 1972, *Russian Surnames*, Oxford.
- Vasmer, M.: 1955, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 2, Heidelberg.

- Фасмер, М.: 1971, *Этимологический словарь русского языка*, Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, том III, Москва.
- Членов, А. М.: 1970, 'К вопросу об имени Святослава', в книге Никонов 1970, 324–329.
- Шайкевич, А. Я.: 1970, 'Русские личные имена XX в. (по материалам загса Фрунзенского района г. Москвы)', в книге Никонов 1970, 84–91.
- Шевелева, М. С. (вед. ред.): 1974, *Обратный словарь русского языка*, Москва.
- Щетинин, Л. М.: 1972, *Русские имена. Очерки по донской антропонимике*, Ростов-на-Дону.

39 Claremont Avenue, New York, N.Y. 10027, U.S.A.